

История философии, 36 Спиноза.

Автор: доктор Артур Холмс из Уитонского колледжа.

Итак, перейдём к делу. На этой неделе мы хотим уделить внимание Бенедикту Спинозе, испанскому еврейскому мыслителю, который с детства жил в Нидерландах со своей семьёй из-за антисемитской обстановки в Испании, но так и не был по-настоящему принят в еврейской общине из-за своей философской позиции. Читая Спинозу, вы легко заметите, что он скорее пантеист, чем теист, и, следовательно, он просто не воспринимал еврейские верования о Боге буквально, и в этом заключалась проблема.

прежде всего я хочу сосредоточиться на исторической значимости Спинозы, чтобы понять, почему мы хотим уделить ему столько времени и как он вписывается в общую картину. Последние две недели мы говорили о Декарте, Рене Декарте, и первое, что бросается в глаза в историческом контексте, это то, что Спиноза продолжает метод, который использовал Декарт. То есть, геометрический метод исходит из определений и аксиом, логически доказывая теоремы и выводы.

Это геометрия. И Декарт, как мы уже подчеркивали, использовал её в своих размышлениях и других своих трудах, и Спиноза тоже. В действительности, в исторических книгах упоминаются картезианцы, и я комментировал некоторые из них в прошлую среду, но Спиноза, по любым меркам, является картезианцем именно благодаря этой методологии.

Его первая философская публикация, вышедшая в 1663 году, когда ему было всего 30 лет, носила интересное название: «Части 1 и 2 «Принципов философии Декарта, доказанных геометрическим способом». Он изложил всё это буквально, в формате учебника геометрии, с определениями, аксиомами, теоремами, доказательствами и так далее. И, как вы, возможно, заметили, если вы начнёте читать «Этику» Спинозы (а я не могу представить, чем бы вы предпочли заняться в выходные на День благодарения, кроме как читать «Этику» Спинозы), то увидите, что он делает там то же самое. Он начинает с определений и аксиом, затем переходит к формулировке и доказательству теорем, и после каждой из них пишет в истинно евклидовом стиле: «Что и требовалось доказать, то и требовалось доказать».

Я не знаю, где это есть в современных учебниках по геометрии, но точно знаю, что это было в школьных учебниках по геометрии, которыми я пользовался. Так что да, декартов метод был тщательно проработан. Вам будет интересно узнать, как один из авторов, Стюарт Хэмпшир, написавший книгу о Спинозе для издательства Penguin, описывает этот метод.

Спиноза настаивает на том, что его слова, и особенно его слова о Боге и его атрибутах, никогда не следует понимать в обыденном, то есть в общепринятом и переносном смысле, а только в том особом смысле, который им придан в его определениях. Однако имейте это в виду. Когда вы читаете, как Спиноза говорит о субстанции, разуме, Боге или добре, проверяйте его определения, потому что он хочет использовать их строго в этом определенном смысле, а не в обыденном, повседневном языковом смысле.

Он считал почти всё написанное и сказанное о Боге и сотворении Вселенной бессмысленным, поскольку нефилософствующие люди не способны ясно представить Бога. По воспитанию они не способны понять то, что не могут себе представить, настолько привязаны к своим чувствам. Следовательно, Декарт был рационалистом; его априорное знание — вот чего они не могли понять, и по этой причине он написал как своё раннее изложение философии Декарта, так и свой великий фундаментальный труд «Этика» в геометрической форме, в виде последовательности утверждений с подтверждающими доказательствами, леммами и следствиями.

Таким образом, он исключил из изложения своей философии любые скрытые средства убеждения и вовлечения воображения читателя, которые являются частью обычной прозы: никакой риторики, только простая логическая форма. Он хотел, чтобы истинная философия была представлена как можно более объективно, безлично и свободно, без апелляций к воображению, как это было в «Началах» Евклида. Что ж, это метод Спинозы, и я думаю, что нужно увидеть, что он делает, чтобы понять суть.

Помните, что это эпоха кризиса авторитета в отношении человеческого знания, когда скептицизм вновь поднял свою голову, и когда Бэкон и Декарт, каждый по-своему, пытались заложить определенные основы, на которых можно было бы построить подлинно научное знание. И Спиноза в этом смысле следует за Декартом, стремясь к тому, чтобы знание строилось на аксиоматической истине, как в случае с математикой, которая, кстати, является единственной наукой, унаследованной от Средневековья, и которая, как мне кажется, не была столь подвержена скептическим сомнениям, как другие. Итак, это первый важный исторический момент, и Спиноза, следовательно, передает этот метод тем, кто пришел позже, и мы увидим нечто подобное, когда в следующий раз рассмотрим Лейбница, хотя Лейбниц в целом не излагает это в форме учебника геометрии, но он такой же рационалист.

Второй важный момент, на который следует обратить внимание, заключается в том, что, хотя он испытывает огромное восхищение Декартом и принимает некоторые из его конкретных позиций, он очень четко изменяет общую точку

зрения Декарта. Декарт был дуалистом в двух смыслах: дуальность разума и тела, а также дуальность Бога и природы. Спиноза отвергает обе эти дуальности.

Спиноза — метафизический монист, а мы давно не встречали метафизических монистов из-за иудео-христианского влияния. Мы встречали Плотина и, конечно же, Парменида, и если мы включим в понятие метафизического монизма тот вид двуаспектного монизма, который мы обнаружили у стоиков, двуаспектный монизм, который мы обнаружили у стоиков, где есть две стороны, два аспекта всего сущего: рациональный, умопостигаемый порядок и изменчивая материальная составляющая, огненный пар, умопостигаемый порядок, логос. Таким образом, у стоиков есть логос и материя, и мы обнаружим, что у Спинозы, по сути, то же самое. Бог и природа — это два слова, обозначающие одно и то же.

Бог делает акцент на постижимой стороне, на логосе; природа же акцентирует внимание на движении материи, поэтому возникает эта стоическая концепция. Таким образом, вместо теистической метафизики, какой была у Декарта, Спиноза предлагает нам пантеистическую метафизику, и поскольку Бог есть всё, и всё есть Бог, отсюда следует, что постижимый порядок и движущаяся материя — это, по сути, две стороны одного и того же. И вместо того, чтобы разум и тело были отдельными субстанциями с совершенно разными свойствами, разум и тело — это просто названия двух аспектов или атрибутов одного и того же.

Таким образом, на протяжении всего своего пути он придерживается двойного монизма. Когда в прошлую среду мы обсуждали с оставшейся частью класса этику Декарта, я попытался показать, что Декарт разработал этику стоического типа, то есть этику, в которой разум, благодаря своим ясным и четким идеям, может рассеивать страсти, контролировать эмоции и рассуждать над эмоциями. Эта стоическая этика продолжается и у Спинозы, так что, похоже, он перенял этот подход к этике у Декарта, только делает это гораздо более явно.

Он делает это очень систематично, в то время как Декарт не делает ничего систематического в этике. Дело в том, что Спиноза не только пишет об этике систематически, но и основывает свою стоическую этику на стоической метафизике. Понимаете? Он основывает стоическую этику на стоической метафизике.

Говоря о стоической метафизике, я имею в виду пантеизм природы. Природа божественна. Стоики говорили о природе как о провидении.

И таким образом Спиноза передает, он действительно передает, идеи в XIX веке. Он, напомним, жил в XVII веке. Но он является связующим звеном, передающим этот монистический подход, пантеистический подход, пантеизм природы, романтикам XIX века.

А когда мы дойдем до XIX века, мы увидим, как некоторые из них, например Гегель и Шлейермахер, очень благосклонно отзывались о Спинозе и его трудах. И если вы знакомы с романтической литературой XIX века, вы, возможно, знаете, как такие люди, как Кольридж, Гёте и Мэтью Арнольд, очень благосклонно относились к Спинозе. Таким образом, он является историческим звеном в передаче пантеизма природы романтикам XIX века.

Конечно, они не были рационалистами, как он. Совсем наоборот. Они не разработали этику разума, контролирующую эмоции .

Совсем наоборот. Но они передают и продолжают пантеизм природы. Таким образом, это второй тип изменений и преемственности в отношении собственной позиции Декарта и того, что он передает позже .

Это сразу же приводит к третьему виду исторической значимости — влиянию его рационалистической критики традиционной религии. В его случае — традиционного иудаизма. Его иногда цитируют на курсах по библейской критике как одного из основоположников исторической критики ветхозаветной литературы.

В 1670 году он опубликовал труд под названием «Богословско-политический трактат ». Политико-теологический трактат, очерк. Трактат Богословско-политический.

В частности, он отрицает существование какой-либо особо открытой истины. Почему же рационалистический пантеист мог бы так сказать? Дело в том, что если вы доверяете этому математическому методу, то из заданных аксиом должно быть возможно вывести всю совокупность доступной истины одним лишь разумом. Таким образом, достаточность метода доказана.

Но для пантеиста любой особый вид божественного акта самораскрытия бессмысленен. Потому что если нет существа вне Бога, что бы значило для Бога действовать по отношению к какому-либо существу самораскрывающимся образом? В пантеистической схеме получается то, что часто называют имманентной теологией. Иными словами , если всё есть Бог и Бог есть всё, то всё, что приписывается Богу, просто происходит внутри Бога.

Не вне Бога, а внутри Бога. И поскольку всё происходящее в природе благодаря Богу, это происходит потому, что Бог пребывает в природе, а природа пребывает в Боге и во всей полноте бытия. Поэтому не может быть никакого особого божественного откровения.

Для пантеиста это одновременно и ненужно, и невозможно. Поэтому религия для Спинозы сводится к праведной жизни. Таким образом, его иудаизм был бы аналогичен тому, что сегодня считается реформированным иудаизмом.

Это религиозный гуманизм, ценящий ценности и моральные принципы исторического иудаизма, но без сверхъестественной теологии ортодоксального иудаизма. Вследствие этого, роль религиозных символов меняется. Религиозный язык и религиозные обряды перестают быть описательными или напоминающими о традиционном Боге и его могущественных деяниях.

Это просто символы, которые, как правило, скрепляют сообщество. Они несут в себе общинные ценности. Они объединяют сообщество и предоставляют образный язык, язык историй, язык наследия, который сплачивает сообщество вокруг определенных моральных идеалов.

в наши дни уделяется много внимания . Например, нарративная теология имеет с этим определенные связи. Если вас интересует изучение подобного влияния на теологию XIX века, мы подробнее рассмотрим это во втором семестре.

Но есть очень ценная книга К. К. Дж. Уэбба. Книга называется «Исследование религиозной мысли в Англии с 1850 года».

И всё, что я могу сказать по этому поводу на данном этапе, это то, что это даст вам некоторое представление о тех видах религиозной мысли, на которые повлияла рационалистическая критика традиционной религии со стороны Спинозы. Ну, эти три момента, касающиеся исторической значимости. Есть какие-нибудь комментарии, вопросы? Повторы? Места, где вы моргнули и хотите получить дополнительную информацию? Да, Боб? Мне интересно, вы хотите сказать, что Спиноза — строгий приверженец своей религии? Да, думаю, это так.

Это создает проблему? Мне показалось, что вы не совсем это имели в виду. О, хорошо, может быть, я был слишком любезен. Возможно, я сказал, что он склонен к этому, а не что он есть на самом деле.

Хорошо, он довольно откровенен. Думаю, это станет совершенно ясно по ходу дела. Джанель? Что ж, опять же, я склонен сказать: подождите немного, пока мы туда не доберемся.

Сейчас, возможно, нас ждет пятница, так что не стоит слишком долго ждать. Дэвид? Хорошо, да. Позвольте мне вкратце восстановить, для тех, кто не слишком верен нашим словам , то, что мы делали с Декартом в прошлую среду.

Вкратце, мы говорили о теории страстей Декарта . Сейчас я не хочу к этому возвращаться , но посмотрите, что говорит Штумпф о Декарте в отношении эмоций и страстей.

Его теория страстей такова, что они вводят нас в заблуждение из-за недостатка ясности, сопровождающего эмоции. Следовательно, когда ум достигает ясности и четкости мысли, ясных и ясных идей, видите ли , путаница, сопровождающая эмоции, рассеивается, и сила страсти смягчается. Вот что такое ясность ума.

Прежде чем отбросить эту мысль, спросите себя, что именно делает психолог, возможно, аналитик, пытаясь заставить вас что-то вспомнить или яснее осмыслить обстоятельства, при которых произошло то или иное событие. Видите ли, он пытается развеять эмоции посредством ясности мышления. Вот что он видит.

Теперь, одновременно, вспомним его рассуждения о воле и интеллекте, рассуждения Декарта о воле и интеллекте. Потому что то, что он говорит в этом отношении об ошибке, он говорит о воле, которая опережает интеллект, но которую нужно сдерживать от вынесения суждений о том, что она знает. Ошибка — это познавательное зло.

Итак, как же нам удержаться от зла, как не сдерживая волю, как это делал Декарт, сдерживая волю в пределах того, что мы ясно и отчетливо знаем как добро? И вот тут возникает аналогичная ситуация. Точно так же, что касается разума и тела, поскольку разум является отдельной субстанцией от тела, а страсти имеют физическую причину, тот факт, что разум отделен, означает, что он не обязательно должен подчиняться детерминистическим видам причинности, исходящим из телесных страстей.

Но разум, благодаря своей ясности и четкости, может утверждать свою независимость и при этом приходит к тем же результатам. И четвертое, что я отметил, это то, что в своем рассуждении о методе, собираясь приступить к попытке преодолеть скептицизм, он излагает то, что называет временной моралью, которой он будет следовать, живя в условиях такой неопределенности. И временная мораль по сути представляет собой нечто подобное.

Он будет сдерживать суждения, он будет сдерживать действия до тех пор, пока не узнает правду, и так далее. Таким образом, это картина того, как разум контролирует эмоции, разум контролирует и направляет волю на протяжении всего процесса. Единственное, что меня смущает, это то, что вы сказали, что это стимулируется разумом.

Нет, в уме существует осознание этих процессов. Потому что во взаимодействии ума и тела, подобно тому как решения воли, принимаемые в уме, порождают телесные изменения и действия, так и страсти, являющиеся побуждениями движений животных инстинктов в теле, имеют свои сознательные побочные продукты в уме. И эти сознательные побочные продукты — это идеи, да, но запутанные идеи.

Случайные идеи. И они не должны доминировать в сознании и причинять неприятности. В этом смысле это рационалистическая этика.

Нами управляет разум. Так и должно быть, а не эмоции. Спинозист же.

Главное отличие Спинозы, которое мы увидим, заключается в том, что он не может утверждать о свободе воли. Он детерминист. И это имеет существенное значение.

У Спинозы вы начинаете замечать довольно знакомую парадигму того, что следует из пантеистической точки зрения. Мы встречали это у Плотина, неоплатоника. В пантеизме неизбежно присутствует детерминизм.

У вас не будет никакой обособленности и той свободы, которая с ней связана, когда у индивида есть инициатива. Это самоуправление. И тогда возникают проблемы с проведением четкого различия между добром и злом.

Ведь какой статус у зла, если всё едино? Различие размывается. Плотин пытался решить эту проблему с помощью своей теории эманаций, затем степеней и так далее. Кстати, пантеизм сегодня — это не только вопрос восточных религий.

Поскольку восточное влияние вновь заявило о себе на Западе. По крайней мере, в западной части этой страны. Движения «Новой эры» по своей сути пантеистичны.

Все труды движения «Новая эра» не систематичны, не изложены досконально, но, я думаю, в них достаточно информации, чтобы понять, что это своего рода пантеизм. Более романтизированный вид пантеизма, ближе к XIX веку, чем к Спинозе. Но в них встречаются те же самые парадигмы.

Хорошо, давайте перейдем от его исторической значимости к тому, что я назвал общими чертами. На самом деле, эти общие черты уже начинают проявляться. И первая общая черта, конечно же, это представление о том, что Бог и природа — одно и то же.

Бог и природа — одно и то же. Он приходит к этому выводу, исходя из своей концепции субстанции. Нет, он не начинает с методологического сомнения.

Он начинает с определений. В частности, он начинает с определения субстанции. И то, как он определяет субстанцию, приводит его к выводу, что Бог и природа — это одно и то же.

Если Бог и природа — одно и то же, то мы обнаруживаем два аспекта вещей. Иными словами, в Боге есть и мысль, и протяженность. Бог бесконечен.

Расширение. Как будто Бог — это вся арена пространства. Но Бог в то же время бесконечен в своем мышлении.

Здесь слышны отголоски платоновской традиции. Или, возможно, стоической концепции Логоса. Мышление и его развитие.

Это два атрибута Бога. Один Бог и два известных атрибута. Могут быть и другие атрибуты, о которых мы не знаем.

Но эти два качества проявляются в нас и в нашем опыте. Фактически, эти два атрибута очевидны как в бесконечном, так и в конечном режимах мышления. Бесконечный режим мышления — это Бог.

Разум Бога. Бесконечная форма протяженности — это природа. Во всем этом — ее необъятность.

Но конечные способы мышления принадлежат и вам, и мне. И конечные способы расширения принадлежат и вам, и мне. Тела, как мы их называем.

Но это не субстанции. Разум не является субстанцией, отдельной от тела. Тело не является субстанцией, отдельной от разума.

Наши с вами тела не являются субстанциями, отделенными от Бога. Мы всего лишь конечные формы бытия Бога. Понимаете? В этом смысле вы мыслите так же, как и Бог.

А как иначе? Ваши мысли — часть самосознания Бога. Поэтому в декартовском понимании нет понятия отдельных субстанций. Существуют различимые атрибуты.

Различимые режимы. Вы можете отличить своё тело от тела человека, сидящего рядом с вами. Вы можете отличить свои мысли от мыслей другого человека.

Но это не различие веществ. Это различие мод. Одна конечная мода отличается от другой конечной моды.

Теперь, если хотите, в этом различии между конечным и бесконечным можно увидеть отголоски платоновской линии. Вечное и временное, бесконечное и конечное. Нет, это всего лишь отголоски.

Потому что Платон перевернулся бы в гробу, если бы подумал, что природа вечна. Понимаете ? Хотя его природа, безусловно, была таковой. Но природа? Нет.

Природа в любом физическом смысле. Так что платоновский отголосок здесь присутствует. Но он говорит не о двух разных мирах, формах и частностях.

Нет. Он говорит о конечных и бесконечных гранях одной и той же сферы. О конечных и бесконечных гранях Бога, которые и есть природа.

Итак, именно это и порождает вечные проблемы и вечные темы. Через несколько мгновений мы увидим, как этот его монизм с двойным аспектом проявляется во всем этом спектре двойственностей, где ни одна из них не представляет собой две отдельные вещи.

Бог и природа — не отдельные вещи. Мышление и протяженность — не отдельные вещи. Свобода и детерминизм — не отдельные вещи.

Добро и зло — не отдельные вещи. Разум и эмоции — не отдельные вещи. Они являются аспектами одного и того же.

Две стороны одного явления. Насквозь. Поэтому, что вам нужно понять в плане общих характеристик, так это термины «субстанция», «атрибут» и «способ».

Хорошо? Сущность, свойства и способы применения. Вот и всё в целом. Убедитесь, что вам это понятно.

Существует только одно вещество. Но одно вещество обладает как минимум двумя свойствами. И эти два свойства различимы как в бесконечном, так и в конечном режимах.

Вы не существо. Вы — конечный способ бытия. Ваше мышление — это просто конечный способ мышления Единого.

Всеобъемлющее существо. Вы размышляете над своими нынешними представлениями о конечном варианте бесконечного мышления Бога. Субстанция, атрибут, модус.

Понятно ли это? Хорошо. Диаграмма помогает понять терминологию. Так что, если бы вы захотели продолжить разделительную линию, которую видите, до самого низа, то получили бы наши мысли, наши тела.

Хорошо. Это относится к области частных. Спиноза — реалист в отношении универсалий или просто концептуалист? Что ж, я склонен сказать, что просто концептуалист.

Иными словами, мы действительно мыслим в универсальных, абстрактных терминах. Это так. Да, он не номиналист.

Но если под реалистом подразумевается существование универсальных принципов, которые каким-то образом отделимы от частных случаев? Нет. Нет. Поэтому, я думаю, он ближе к концептуалисту.

И снова, именно стоический образ служит ориентиром. Хорошо. Итак, это первая общая черта, на которую следует обратить внимание.

Субстанция, атрибуты, способы выражения. Сэм. Вторая общая черта связана с его эпистемологией.

Его эпистемология. Я уже говорил, что он рационалист. И он выделяет три вида знания.

Три вида знания. Первый — это мнение. Второй — это рассуждение.

И третье — интуиция. И это снова очень напоминает Декарта. Он проводит это тройственное различие в своем небольшом труде под названием «Усовершенствование понимания».

О совершенствовании понимания. Недавно я наткнулся на экземпляр этой книги в мягкой обложке в книжном магазине в аэропорту. Она называется «Как улучшить свой ум» Бенедикта Спинозы.

В переводе это было представлено в виде инструкции. Подозреваю, что любой, кто поддастся этому искушению и купил это, был шокирован и задался вопросом, на что же он потратил деньги. Но разница всё равно оставалась.

Однако различие между ними проявляется в другом месте его этических взглядов. И если у вас есть с собой этот сборник, взгляните на страницу 127. Страница 127.

В примечании 2, приложенном к предложению 40 части 2 его «Этики», в примечании 2 на странице 127, в первом столбце, он различает разные виды знания.

В середине колонки находится знание первого рода. Выделено курсивом. Мнение или воображение.

И эти два относятся к первому и второму пунктам, упомянутым выше. Мнение связано с фрагментарным осознанием частных вещей. А второй пункт связан с идеями, которые символы, слова пробуждают в воображении.

Хорошо. Итак, мнение или воображение — это номер один. Номер два — разум или знание второго рода.

Потому что у нас, как он выражается, есть представления, общие для всех людей. Достаточные представления о свойствах вещей. Другими словами, универсальные истины, которые общеизвестны.

Универсальные истины общеизвестны. Существует также третий вид знания, который мы называем интуицией. Интуиция, исходящая из адекватного представления об абсолютной сущности атрибутов Бога.

Обладать достаточным знанием сущности вещей. Очевидно, он здесь говорит, исходя из интуитивного понимания чего-то абсолютно достоверного. Чего совершенно несомненно.

Вы обнаружите, что он говорит об этом в терминах ясных и четких идей. Декарт. И он чаще всего использует фразу «адекватные идеи».

Когда он хочет сослаться на то, что интуитивно кажется несомненным. Помните, как Декарт использовал слова «ясный» и «отчётливый», говоря: «настолько ясный и отчётливый, что не вызывает никаких сомнений». Вот это и делает его адекватным.

Это вне всякого сомнения. Настолько ясно и отчетливо, что не вызывает никаких сомнений, интуитивно понятно. Достаточные идеи.

А теперь обратите на это внимание. На это понятие адекватных идей. Он явно не собирается придавать большого значения мнению и воображению.

Полученные таким образом знания фрагментарны. Они запутанны. Они основаны на эмпирических данных.

Оно касается лишь случайных факторов. Оно связано с недопустимыми ассоциациями языка, возникающими из-за общепринятых норм. Так устроен религиозный язык, говорит он.

Таким образом, его рационалистическая критика религии и религиозного языка на самом деле сводится к критике тех видов языка, которые используются при обсуждении религиозных вопросов. Традиционно его называют языком аналогии. Но аналогия — это не то буквальное определение, которого хотел Евклид.

Понимаете, это не тот вид ясности, который присущ математическим рассуждениям. Поэтому у него нет терпения к подобному языку, к подобным знаниям. Таким образом, его задача будет заключаться в получении знаний, которые интуитивно достоверны, то есть самоочевидны, то есть в этом смысле адекватны.

И вы обнаружите, что он считает ошибку следствием, очевидно, недостатка ясности и чёткости. Проблема возникает тогда, когда вы соглашаетесь с тем, что лишено ясности и чёткости. Что очень напоминает взгляды Декарта.

Итак, чтобы начать свои геометрические изыскания, свой метод, ему, очевидно, придётся начать с каких-то адекватных идей. Потому что ничто другое не обладает той интуитивной уверенностью, которая необходима для аксиом, с которых можно начать всю дедуктивную систему. И он хочет двигаться от адекватных идей к адекватным идеям и так далее по всей цепочке рассуждений.

Ему хотелось бы думать, что каждое из перечисленных и пронумерованных им в этике утверждений, а их сотни, логически достоверно. Начинается все с того, что интуитивно понятно, и постепенно переходит к тому, что доказуемо достоверно. И, как в геометрической системе, при построении доказательств он обращается к определению, аксиоме, ранее доказанному утверждению или явно выведенному следствию из ранее доказанного утверждения.

Таким образом, всё это обладает определённой математической строгостью, по крайней мере, в его замысле. Теперь, я полагаю, из этого следует, что если вам не нравятся его выводы, есть два варианта действий. Первый — подвергнуть сомнению его определения и аксиомы.

Являются ли аксиомы аксиоматическими? Действительно? Являются ли определения произвольными? Обоснованными? Как вы определяете определение? Является ли определение чем-то, что мы выбираем в том смысле, что мы решаем, как это слово будет использоваться, как в «Алисе в Стране чудес»? Если я так говорю, что использую это слово, значит, я так и

говорю. Безумный Шляпник или нет, это довольно важно. Философия языка начинает приобретать решающее значение в XVII веке.

Мы столкнулись с этим у Гоббса в контексте его номинализма. Я уже говорил вам, что сейчас работаю над Гоббсом, и даже после того, как мы закончили его две недели назад, я обнаружил места, где Гоббс говорит, что проблемы, возникающие с другими взглядами, связаны с тем, как люди придают значения словам. Мышление начинается с определений.

А разве номиналист не ожидал бы этого? Думаете? Не с идеями, а со словами – именно с них начинается мышление. Есть вопросы или комментарии, прежде чем мы сразу перейдем к делу? Эти две общие особенности. Первая связана с субстанцией, атрибутами и способами выражения.

Вторая касается остатков, а именно мнения, разума и интуиции. Давайте же обратим наше внимание на некоторые из этих двойственных аспектов. Именно этим мы и займемся до конца изучения трудов Спинозы.

Бог и природа. Откройте антологию на странице 110 и посмотрите на определения. Очевидно, чтобы отдать должное Спинозе, нам пришлось бы взвесить все эти определения и все аксиомы и заново перебрать все доказательства.

Хотя Коффман многое опустил. В конце концов, это всего лишь подборка. Но я хочу отметить лишь одно-два доказательства, которые выделяются как наиболее значимые.

Первое определение не должно вас удивлять. Под тем, что является самодостаточным, я подразумеваю то, сущность чего включает в себя существование. То, природу чего можно лишь постичь как существующее.

Итак, это схоластический способ говорить о Боге, чья сущность включает в себя существование. Это было основой аргумента Декарта в пользу существования Бога в пятой «Размышлении». Его онтологический аргумент, исходя из концепции Бога как того, чья сущность включает в себя существование. Затем взгляните на определение 3. Под субстанцией я подразумеваю то, что есть само по себе и постигается само по себе.

Обладает собственной идентичностью. Оно существует само по себе. Оно постигается само собой.

Можно рассматривать это в отрыве от всего остального. Вот так Декарт говорил о субстанции. В общем, всё довольно хорошо. Это слишком декартово определение.

Но обратите внимание, как он это понимает во втором предложении. Теперь он собирается переформулировать определение другими словами. Под сущностью я подразумеваю то, из чего можно сформировать представление независимо от любого другого представления.

Он не просто говорит, что это можно рассматривать изолированно от всего остального. Но можно сформировать концепцию независимо от всего остального. Нет никаких логических выводов, указывающих на другие вещи.

Здесь нет никаких логических предположений относительно других задействованных факторов. Таким образом, он, по-видимому, определил субстанцию как то, что никоим образом не зависит от других субстанций. Или что от неё зависят другие субстанции.

Вот почему, как мне кажется, он определил сущность таким образом, что она может быть только одна. Это определение имеет решающее значение. Теперь объедините эти два определения, 1 и 3.

И мне кажется, что определение б, его определение Бога, следует из этого. Под Богом я подразумеваю абсолютно бесконечное существо. То есть субстанцию, состоящую из бесконечного числа атрибутов, каждый из которых выражает вечную и бесконечную сущность.

Бог — это субстанция с бесконечным числом атрибутов. Под бесконечным числом атрибутов подразумевается, что Бог — это независимое, всеобъемлющее существо. Каждый атрибут выражает вечную и бесконечную сущность.

Да, чья сущность заключается в существовании, поэтому он и является существом. Существом, необходимым для существования. Поэтому смысл этих определений виден сразу.

Это определения, которые, как теперь ясно видно, предвосхищают то, что появится позже. И посмотрите на утверждение номер один. Утверждение номер один.

Сущность по своей природе предшествует своим изменениям. Это ясно из ваших определений субстанции и способа существования. Предложение второе.

Две субстанции, свойства которых различны, не имеют ничего общего. Это очевидно из третьего определения. Ибо каждая должна существовать сама по себе, быть постигнута через себя.

Понятие одного не подразумевает понятия другого. Третье утверждение. Вещи, не имеющие ничего общего, не могут быть одной причиной другой.

Простите, Декарт, в этом и заключалась проблема с вопросом о разуме и теле, не так ли? Вещи, не имеющие ничего общего, не могут быть причиной друг друга. Понимаете ? Тогда пятое утверждение. Во Вселенной не может существовать двух или более субстанций, обладающих одинаковой природой или свойством.

Шестое утверждение. Одно вещество не может быть получено из другого вещества. Давайте посмотрим.

К моменту, когда вы дойдёте до шестого утверждения, это означает, что Бог и природа не могут быть двумя отдельными субстанциями. Седьмое утверждение гласит, что субстанция самодостаточна. Восьмое утверждение гласит, что каждая субстанция является необходимым существом, самодостаточным.

Одиннадцатое утверждение гласит, что Бог или субстанция состоит из бесконечного числа атрибутов, каждый из которых является существенным. Что Бог существует по необходимости. И наконец, четырнадцатое утверждение делает вывод.

Помимо Бога, никакая субстанция не может быть дарована или постигнута. И, в довершение всего, пятнадцатое утверждение гласит: всё, что есть, находится в Боге. А без Бога ничто не может быть или быть постигнуто.

Таким образом, существует только один Бог, только одна субстанция, Бог или природа. Понятно? Значит, Бог и природа оказываются Богом или природой. Фраза, которую он использовал, *Deus ewei natura*, Бог или же существует.